

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
Кафедра немецкого языка

**МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА, ПРОИСШЕДШИЕ ИЗ ФОРМ
ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ
(Курсовая работа)**

Выполнил	Сакаева Мата Вахидовна, 3 курс, группа В, направление подготовки «Лингвистика»
Научный руководитель	Дагиров Магомед Ширваниевич, к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой немецкого языка
Работа защищена на оценку	Отлично

Грозный, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИМПЕРАТИВ КАК МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА.....	7
1.1. Трактовка немецкого императива в традиционной и современной лингвистике.....	12
ГЛАВА II. МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА, ПРОИСШЕДШИЕ ИЗ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ.....	11
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	24
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	27

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важнейших вопросов грамматики является категория модальности. Вопрос о категории модальности и средствах ее выражения вызывает по настоящее время живой интерес у лингвистов. За последние годы появился целый ряд работ, связанных с этой проблемой. Однако многое в этом вопросе еще не изучено и неясно.

Модальность является языковой категорией, которая выражает отношение высказывания к действительности, устанавливаемое говорящим лицом. Каждое предложение включает в себя, «как существенный конструктивный признак, модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности» [1: 41]. Необходимо четко различать эмоциональные формы выражения реакций на действительность и модальную оценку отношения высказывания к действительности.

Исходя из того, что модальность есть соотнесенность высказывания о реальной действительности, можно определить два основных типа модальности: 1) говорящий сообщает о фактах действительных, высказывание говорящего отражает реальную действительность, 2) говорящий сообщает о фактах необходимых, желаемых, вероятных и т.п.

Категория модальности в современном немецком языке может быть выражена морфологическими, синтаксическими, интонационными и лексическими средствами. Главным средством выражения модальности и наиболее абстрагированным от лексического материала является грамматическое средство – наклонение.

Наклонение – словоизменительная грамматическая категория глагола, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания или отношению ситуации к реальному миру (ее реальность, ирреальность, желательность), то есть различные модальные значения.

В современном немецком языке для выражения действительных фактов, отражающих реальную действительность, употребляется изъявительное

наклонение – индикатив. Для выражения фактов лишь возможных или невозможных предположительных, желательных употребляется конъюнктив. Наконец, для выражения волеизъявления говорящего – повелительное наклонение, которому и посвящается настоящая работа.

Главным средством выражения побудительности и наиболее абстрагированным от лексического материала является повелительное наклонение. Повелительное наклонение определяет не только отношение высказывания к действительности, но также и отношение говорящего к высказыванию. Субъективный момент, т.е. отношение говорящего к высказыванию, в этом случае превалирует над объективным моментом. Следует также отметить, что повелительное наклонение является наклонением прямой речи.

Немецкие лингвисты, такие как Пауль, Гейзе, Зюттерлин, Блатц, Шетензак, Вильманс и др., основное внимание уделяют разбору форм повелительного наклонения; этот анализ является положительным моментом. Однако при рассмотрении форм повелительного наклонения немецкие лингвисты отрывают форму от содержания. Почти никто из них не указывает на органическую связь императива с повелительной интонацией. У многих немецких лингвистов отсутствует определение императива. Некоторые из них ограничиваются лишь тем, что определяют императив как форму приказания (Befehlsform). Императив является формой глагола, обозначающая попытку говорящего самим своим высказыванием каузировать (заставить) кого-либо совершить некоторое действие. По мнению Л. Зюттерлина, императив выражает волю, направленную на совершение действия. Другие немецкие грамматисты определение повелительного наклонения подменяют перечислением его модальных оттенков.

Более полно и глубоко повелительное наклонение определяют отечественные языковеды. По мнению А.А. Шахматова, императив – это наклонение, посредством которого, говорящий устанавливает в своей мысли связь между личностью своего собеседника, или 3-м лицом или группой лиц,

в составе которых находится сам говорящий, и названием действия-состояния, требует, чтобы собеседник (2-е лицо) или данное 3-е лицо стал производителем, носителем этого действия-состояния, стал его субъектом. Иначе говоря, он обязывает своего собеседника или данное третье лицо стать субъектом действия-состояния.

А.А. Шахматов дает широкое определение повелительного наклонения, включая в него и обращение к 3-му лицу. Непосредственно повелительное наклонение связано со вторым лицом или группой лиц. В.В. Виноградов считал, что повелительное наклонение выражает волю говорящего, побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия, принадлежит к эмоционально-волевому языку и характеризуется особой интонацией. Действительно, формы повелительного наклонения обладают массой оттенков значения – от мольбы и самой вежливой просьбы до категорического приказания и запрета. В выражении разнообразных значений и оттенков исключительно важную роль играет интонация. Эта интонация может превратить любое слово в выражение приказания. В системе повелительного наклонения она является органической принадлежностью глагольных форм. Вне этой интонации повелительного наклонения не существует. То есть, В.В. Виноградов указал на отношение говорящего к реальной действительности, а также к самому высказыванию, и на экспрессивность повелительного наклонения. Однако, это скорее описание повелительного наклонения, чем строгая формулировка, поэтому мы позволим себе определить повелительное наклонение следующим образом:

Повелительное наклонение есть грамматическая категория глагола, выражающая волю говорящего, побуждение к совершению действия, направленное к одному и нескольким лицам.

Изучение повелительного наклонения и составляет **цель** работы.

Предметом исследования служит императив, а именно анализ форм императива и его характеристика.

Задачи исследования рассмотреть:

1. Императив как морфологическую словоизменительную категорию немецкого глагола;
2. Модальные слова, происшедшие из форм повелительного наклонения.

Настоящая курсовая работа состоит из введения, 2-х глав, заключения и списка использованной литературы.

I глава посвящена повелительному наклонению, анализу форм императива и его характеристике.

II глава посвящена модальным словам, происшедшим из форм повелительного наклонения.

Изучение данной темы проводилось на материале произведений современных немецких писателей.

ГЛАВА I. ИМПЕРАТИВ КАК МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА

1.1. Трактовка немецкого императива в традиционной и современной лингвистике

Императив как предмет научного анализа привлекает внимание лингвистов с давних пор. И те спорные положения, которые содержатся в современных работах, являются в большой степени следствием тех направлений, по которым императив рассматривался в трудах германистов прошлых поколений. Интересным в этой связи представляется рассуждение Х. Гейзе о семантике императива в современном немецком языке. По его мнению, императив выражает не объективную необходимость, т.е. нечто, признанное необходимым на основе опыта или разума (для этого употребляется модальный глагол *müssen*), а императив выражает, главным образом, субъективную необходимость, т.е. необходимость, полагаемую волей человека. В этом смысле императив близок к модальному глаголу *sollen*. Именно этот глагол заменяет императив при переходе прямой речи с императивом в косвенную:

Ich sagte ihm: schreib! = ich sagte ihm, er soll schreiben.

Кроме субъективности императива Х. Гейзе подчеркивает также близость семантики императива к семантике оптатива и указывает, что в современном немецком языке значение желательности выражается часто императивом:

Sei glücklich! Lebt wohl! Es gescheh dein Wille! (Гейзе, 1914).

Исследователи германского императива сходятся во мнении, что императив является наклонением, основным значением которого является волеизъявление говорящего. Поскольку понятие волеизъявления охватывает

очень широкий круг психологических состояний человека, то и семантика императива оказывается очень широкой. Она охватывает как состояние субъекта, так и состояние объекта, то есть повелительные формы служат не только для приказания и запрета, но также для того, чтобы просить, увещевать, советовать, предупреждать, выражать каждое высказывание говорящего, которое должно определять действия тех, кого это касается; со временем ее начинают все более интерпретировать в синтаксисе как одну из разновидностей модальной категории побудительности.

Уже в трудах Х. Гейзе семантика императива как наклонения исследуется в неразрывной связи с его синтаксической функцией. В этих работах указывается на такие особенности императива, как употребление его в особом роде самостоятельных предложений, на связь его с определенным роде интонацией, на возможность синонимических отношений с большим кругом других языковых средств выражения той же модальности, на связь императива с вокативом, т.е. уже в этих работах мы находим указания на те свойства императива, которые получили свое дальнейшее развитие в различных синтаксических теориях.

О. Беагель рассматривает семантические свойства императива в тесной связи со всем семантическим объемом побудительного предложения. Он не порывает еще с традицией исторического освещения вопросов синтаксиса. Но основное внимание уделяется им освещению тех проблем, которые актуальны не столько для реконструкции прагерманских форм и значений, сколько для понимания исторической преемственности между разными периодами развития немецкого языка. О. Беагель показывает, что начиная с готского языка, императив был связан с выражением единичных случаев побуждения к действию (*Einzelaufforderung*) и употреблялся в тех случаях, когда адресат был в состоянии выполнить это действие. В других случаях адресат императивной формы не участвует в выполнении называемого действия. Оно, это действие, обусловлено желанием говорящего и выполняется или будет выполнено им же. О. Беагель отмечает и те случаи, когда побудительность, выражаемая

императивом, не имеет целью побуждения адресата к действию, а служит средством выражения обращения к адресату и вовлечения его в деятельность говорящего. Ему же принадлежит замечание, что в определенных контекстах императив теряет семантику побуждения и становится информативным (О. Behaghel, S. 247: "In erzählender Umgebung kann der Imperativ den Wert einer erzählenden Form erhalten".).

Он приводит в этой связи следующий пример:

Aber Moritz aus der Tasche

Zieht die Flintenpulverflasche,

Und geschwinde, stopf, stopf, stopf!

Pulver in den Pfeiffenkopf.

(Busch "Max und Moritz") (Бехагель, 1932)

О. Бехагель считает, что в этом повествовательном окружении императив получает значение информативной, сообщающей (а не побуждающей) формы. В данном случае форма императива вытеснила положенную здесь форму индикатива (*stopf* вместо *stopft*), что сообщило большую динамичность рассказу: но и сама форма *stopf* предстает с видоизмененной семантикой.

В грамматиках немецкого языка основное внимание при рассмотрении категории наклонения и, в частности, императива, – уделяется синонимии языковых средств. (Duden, 1962; Jung, 1966; Helbig, 1984 и др.) В этих работах анализируются синонимы императива, которые в зависимости от ситуации и контекста могут выражать различные виды побуждения от предельной его резкости, категоричности до мягкой ласковой просьбы. При этом выясняется, что формы чистого императива могут выражать всю шкалу побуждения, и поэтому императив считается основным средством выражения побуждения.

Делая акцент на привязанности императива к особому типу предложений, в котором императив не может быть заменен ни индикативом, ни конъюнктивом, на роли императива как средства выражения побудительности, О.И. Москальская приходит к выводу о том, что императив

не является наклонением, а противостоит наклонению в качестве самостоятельной категориальной формы глагола (Москальская, 1977).

Г. Глинц не считает императив наклонением (Modus). Всякий императив Г. Глинц считает побуждением, но далеко не всякое побуждение должно быть выражено императивом. Например: «*Aufstehen! Keiner bleibt hier!*», в данном примере можно наблюдать расхождение между целеустановкой высказывания, которая еще не обрела единой зафиксированной грамматической формы выражениями свойством твердо установленной грамматической категории (это чаще всего приходится наблюдать в области глагольных категорий).

Присоединяясь к мнению О.И. Москальской, М.Д. Степанова считает, что категория наклонения универсальна, но число наклонений не общепризнано. Например, если в классической немецкой грамматике вычленились три наклонения: индикатив, конъюнктив, императив, то в современной грамматике наблюдается тенденция ограничить число наклонений индикативом и конъюнктивом. Специфика форм императива (наличие только одного лица, неучастие в системе времени и залогов), а также особые синтаксические условия функционирования этих форм, дают, бесспорно, полное основание не считать императив наклонением. Однако эта точка зрения не единственная в теоретической грамматике современного немецкого языка.

Ряд исследователей продолжает придерживаться традиционной теории трех наклонений – индикатива, императива и конъюнктива. Анализируя эти грамматические категории, современные ученые объединяют их в оппозиции на основе различных категориальных признаков. Так, Е.И. Шендельс считает, что наклонения образуют в современном немецком языке трехчленную оппозицию с последующим разбиением на три бинарные оппозиции, причем отдельные наклонения входят одновременно в каждую бинарную оппозицию (Шендельс, 1970). Л.С. Ермолаева сводит систему наклонений всех германских языков, в том числе и немецкого, к одной бинарной оппозиции

реалис/ирре-алис, включая императив в реалис на правах структурно-обусловленного компонента (Ермолаева, 1987). Не исключает императив из системы наклонений В. Адмони и др.

Е.И. Шендельс дает впервые описание семного состава этой морфологической формы глагола (Шендельс, 1970). В то же время, вместе с Е.В. Гулыгой, она относит императив к Микрополю Побуждения внутри Модального Поля (Гулыга, 1969). Е.В. Гулыга, автор главы о Модальном Поле, считает, что с особой побудительной интонацией связаны все конstituенты микрополя побуждения, за исключением презенса конъюнктива, что все конstituенты поля побуждения не имеют четкого временного значения, и что именно конstituенты поля варьируют разные виды побуждения. Таким образом, те свойства, которые в традиционной грамматике большей частью связывались непосредственно с императивом как морфологической формой, а затем с побудительным предложением как синтаксической категорией, оказываются с точки зрения теории поля, присущими лексико-грамматическому модальному полю.

Как видим, с изменением направлений лингвистических исследований меняется также понимание свойств и признаков императива как особого языкового явления. Дискуссионность проблем, связанных с семантикой императива, не становится менее острой. Более того, в последние годы семантика модальной категории побудительности все более поглощает семантику категории "императив". Особенно явно это выражено в концепции наклонений, разрабатываемой Л.С. Ермолаевой, для германских языков, в том числе и для современного немецкого языка (Ермолаева, 1987). Л.С. Ермолаева исходит из того, что "в современных германских языках категория наклонения обозначает отношение действия к действительности в модальном плане реальности-нереальности [6: 99]. Императив, как и индикатив, выражает модальность реальности, или реалис, и образует в этой общей модальности категорию побудительности, категориальное значение императива она относит к морфологической категории реальной модальности, а

парадигматическое значение – к рефлекторно-синтаксической категории побудительности. Отраженный характер значения побудительности у императива дает основание Л.С. Ермолаевой считать императив не самостоятельным наклонением, а структурно-обусловленным средством выражения реальности.

Основываясь на этой теории, Л.Б. Волкова приходит к выводу, что значимость императива на морфологическом уровне ограничено релевантна, так как парадигма императива дефектна, а значение носит отраженный, немодальный характер. На синтаксическом уровне императив также играет незначительную роль, поскольку он употребляется при оформлении побудительной модальности только, если сказуемое стоит в формах 2-го или 3-го лица ед. числа (Волкова, 1978). Продолжая эту оценку императива, можно было бы прийти к заключению о его избыточности в современном немецком языке, если бы это не противоречило фактам языка, свидетельствующим о релевантности императива как с морфологической, так и с синтаксической точек зрения.

В современном немецком языке императив существует, прежде всего, как эмпирическая парадигма глагольных словоформ. Кроме того, императивные формы распространены в функции сказуемого одного из видов побудительного предложения. В связи с этим семантику императива необходимо рассмотреть, прежде всего, с двух точек зрения: с точки зрения морфологии глагола и с точки зрения синтаксиса предложения. И в том и в другом случае императив обусловлен категорией модальности.

Под модальностью в языкознании понимается понятийная или понятийно-языковая категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания, целевую установку речи, содержание высказывания к действительности. (Бондарко, 1990) Модальность может иметь значение утверждения, приказания, пожелания, допущения, достоверности, ирреальности и др.

В связи с тем, что содержание и объем понятия модальности являются широкими и абстрактными, оно, это понятие, требует уточнения в лингвистической литературе особенно последних десятилетий делаются различные попытки выделения видов языковой модальности. Так, например, В. Адмони предлагает считать оценку говорящим реальности или нереальности действия выражаемого глаголом, модальностью в узком смысле слова или просто модальностью, а оценку говорящим отношения высказывания к действительности – подвидом модальности или коммуникативным заданием (Адмони, 1973).

Дж. Лайонз пишет о трех шкалах модальности: первая - шкала "желания" и "намерения", вторая - шкала "необходимости" и "обязательности", третья – шкала "уверенности" и "возможности" [7: 326]. Существуют и другие классификации модальности, но поскольку анализ категории модальности не является непосредственной задачей нашей работы, то мы остановимся только на одном подразделении модальности на виды, а именно на делении модальности на внутреннюю и внешнюю, представляющем интерес поскольку это деление понятийной категории непосредственно связано с языковыми средствами ее выражения (Ермолаева, 1987).

Под внутренней модальностью понимается отношение субъекта действия, называемого в высказывании, к этому действию. Эта модальность выражается в немецком языке модальными глаголами и не является объектом нашего исследования.

Второй вид модальности, внешняя модальность, включает в себя отношение говорящего к содержанию высказывания, как в плане его реальности/нереальности, так и в плане выражения уверенности/неуверенности говорящего в сообщаемых фактах (Ермолаева, 1987). Внешняя модальность, характеризующая степень уверенности говорящего в сообщаемых фактах, выражается модальными словами типа *gewiß*, *wahrscheinlich* и также не исследуется нами.

Средствами выражения внешней модальности, понимаемой как отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности/нереальности, служат в немецком языке наклонения. В эту же модальность входит и выражение оценки реальности/нереальности высказывания посредством целевой установки речи. Таким образом, внешняя модальность определяет как значение формы предложения – установка речи на утверждение, отрицание, вопрос, побуждение, восклицание, так и значение формы наклонения глагола-сказуемого – повествование, повеление, условность, нереальность.

Императив оказывается связанным своим значением с выражением внешней модальности, как через побудительное предложение, так и через императивные словоформы.

В системе морфологии глагола, следовательно, парадигма императива или должна быть включена в категорию наклонения, или для императива становится необходимым предложить специальную морфологическую категорию, показав ее принципиальное отличие от категории наклонения по линии вида и выражения модальности.

Если исходить из того, что морфологическая категория определяется наличием формальной маркированности и самостоятельного значения, то императив является одной из морфологических категорий. Даже, если к парадигме императива отнести минимум глагольных форм (2-е лицо ед. числа), то и в этом случае эта минимальная парадигма обнаруживает свои отличительные формальные признаки, позволяющие противопоставить ее не только парадигмам временных и залоговых форм, но и парадигмам индикатива и конъюнктива. Более того, именно на фоне этих двух общепризнанных парадигм наклонения и выделяется как их противоэлемент парадигма императива, к которой относятся, как показывает языковой материал, несколько глагольных словоформ.

В теоретической грамматике современного немецкого языка утвердилась в настоящее время та точка зрения, согласно которой все

спряжение глагола может и должно рассматриваться как макропарадигма, а словоизменительные категории времени, залога, наклонения, лица и числа, как соответствующие микропарадигмы.

Исходя из теории оппозиции, в каждой парадигме (макропарадигме, микропарадигме) различаются противоэлементы, образующие на основе общих и различительных признаков бинарные или многомерные оппозиции. Внутри макропарадигмы (спряжения глагола) такими противоэлементами выступают микропарадигмы (категории лица, числа, времени, залога и наклонения), а в их составе противоэлементами являются отдельные глагольные словоформы или граммы. Внутри микропарадигмы, т.е. отдельной словоизменительной категории, например, залога или времени, различаются также противоэлементы, носящие характер как отдельной словоформы или граммы, так и еще более мелкой парадигмы – микропарадигмы второго порядка, например, противоэлементы микропарадигмы залога – актив и пассив. Как нам представляется, морфологическую парадигматику глагола можно рассматривать как состоящую из парадигм трех порядков: макропарадигмы спряжения глагола, микропарадигм словоизменительных категорий или микропарадигм первого порядка и микропарадигм словоизменительных подкатегорий или микропарадигм второго порядка. Дифференциальные признаки макропарадигмы отличают спряжение глагола от словоизменения других частей речи, дифференциальные признаки микропарадигм первого порядка отличают одну морфологическую категорию глагола от другой, дифференциальные признаки микропарадигм второго порядка отличают морфологические разряды грамм внутри морфологической категории одного рода. Дифференциальные признаки парадигм трех порядков в разных наборах формируют морфологию конкретной глагольной граммы, то есть каждая форма финитных глаголов представляется в виде перекрестной точки нескольких оппозиций и в качестве аналога всех других форм слова макропарадигмы сопряжения (Москальская, 1977). Продолжая анализ

словоформ глагола, О.И. Москальская отмечает, что в каждой глагольной словоформе содержатся парадигматическое и синтагматическое значения, а также несколько категориальных значений, называемых другими учеными "отдельными значениями" (Ахманова, 1966), "элементарными значениями", "фигурами содержания" [8: 80]. О синхронной многозначности грамматической формы, основывающейся на совмещении в одной форме нескольких грамматических значений, свойственных грамматическим категориям данной части речи, пишет Е.И. Шендельс, указывая, что Ш. Балли назвал это явление "совмещением означаемых" [10: 22].

Однако, несмотря на свою многозначность и на свойство быть членом нескольких парадигм и оппозиций, каждая словоформа обладает тем особым содержательным и формальным признаком (или признаками), который маркирует её, прежде всего, как член одной категориальной парадигмы и противоположен одной определенной оппозиции. Так, например, словоформы (1) *ich schreibe*, (2) *es wurde geschrieben*, (3) *schreib* сигнализируют в первую очередь об их принадлежности (1) – к индикативу, (2) – к пассиву (3) – к императиву, а затем уже (1) – к активу, ед. числу, 1-му лицу, (2) – к претериту, индикативу, ед. числу, 3-му лицу, (3) – ко 2-му лицу, ед. числу. При этом, как отмечает О.И. Москальская, оппозиции по лицу и числу образуют основу, ядро отдельных микропарадигм в пределах глагольной макропарадигмы [8: 57]. Таким образом, внешняя сторона любой глагольной словоформы позволяет судить о ее принадлежности к первой ближайшей категориальной парадигме, являясь носителем содержательных и формальных дифференциальных признаков именно этой парадигмы и сигнализируя о противопоставленности не только самой словоформы другим словоформам, но и противопоставленности данной парадигмы другим парадигмам этого же порядка. Морфологическая императивная словоформа (независимо от того, какая) противопоставлена морфологическим индикативной и конъюнктивной словоформам (независимо от того, каким) по своим ближайшим формальным и содержательным признакам. Наличие в языке морфологической

императивной словоформы как противоэлемента морфологических индикативной и конъюнктивной словоформ может рассматриваться, вероятно, как свидетельство однопорядковости микропарадигм императива, индикатива и конъюнктива и как свидетельство вхождения императива наряду с индикативом и конъюнктивом в парадигму наклонения, микропарадигму первого порядка.

Глагольная морфологическая словоформа естественным образом связана с категориальным значением глагола как части речи. Категориальным значением глагола является отражение явлений реальной действительности (действий, процессов, состояний и т.п.) в качестве динамических, соотнесенных со временем признаков (Минина, 1975; Кубрякова, 1978). "Признаковость" категориального значения глагола требует наличия в окружении глагола носителя глагольного признака, им другими слогами производителя действия, процесса и т.д. В связи с этим все морфологические глагольные категории (лицо, число, время, залог и наклонение) проявляются не только в самой глагольной словоформе, но и в минимальной глагольной синтагме, которую условно можно обозначить как "лицо + действие". Наклонение характеризует в глагольной синтагме действие как реальное или нереальное также как бы через призму лица – производителя этого действия. Однако "лицо" является в данном случае одним из средств образования и выражения значения наклонения в самой глагольной форме и лишь наряду, и в сопоставлении с другими способами выражения внутренней или внешней модальности, наклонение, а, следовательно, и глагольная словоформа, и глагольная синтагма "лицо + действие", проявляют в полную меру свои модальные свойства.

Микропарадигма первого порядка "Наклонение" ограничивает выражение внешней модальности, понимаемой как отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности/нереальности, областью глагола. Семантической задачей глагольных словоформ микропарадигмы наклонения становится представление лексических значений глаголов как

реальных или нереальных действий, поступков, процессов и т.д., что придает соответствующую модальность и высказыванию в целом.

План реальности/нереальности, лежащий в основе внешней модальности и перенесенный языковым выражением через наклонения в область глагола, становится идентичным противопоставлению осуществимость/ неосуществимость какого-либо явления реальной действительности. В этом смысле реальность или нереальность связывается не с модусом существования или несуществования, а с модусом принципиальной осуществимости или неосуществимости, что в свою очередь зависит от разного рода факторов, таких как время, условие, воля субъекта (и других факторов). В дальнейшем, говоря о модальных признаках реальности/нереальности, мы понимаем под этим придание действию, обозначаемому соответствующей глагольной словоформой, статуса действия, принципиально осуществимого или принципиально неосуществимого.

Оппозиция по дифференциальному признаку реальности/нереальности внутри микропарадигмы первого порядка выделяет в качестве противоземента микропарадигмы второго порядка и маркирует по признаку реальности/нереальности каждую глагольную словоформу этих парадигм. Внутри микропарадигм второго порядка признак реальности или нереальности не является дифференциальным. Внутри каждой микропарадигмы второго порядка в качестве дифференциальных выступают признаки, по-своему дифференцирующие или признак реальности, или признак нереальности. Эта дальнейшая дифференциация модальных признаков реальности/нереальности происходит непосредственно в значениях словоформ и переkreщивается в них с теми признаками глагольных словоформ, которые они, словоформы, получают в качестве противоземента макропарадигмы глагольного спряжения. Многозначность словоформ осложняет семантику каждой микропарадигмы наклонения второго порядка своеобразием их отношений с микропарадигмами первого и второго порядка времени, залога, лица и числа.

Проследим соотношение микропарадигм наклонения второго порядка, т.е. индикатива, конъюнктива и императива, прежде всего, на основе оппозиции по дифференциальному признаку реальности/нереальности. Индикатив выступает в качестве немаркированного члена микропарадигмы наклонения и выделяется в качестве такового только в оппозиции с конъюнктивом и императивом. В формальном отношении у индикатива нет никаких специальных маркеров, которые отличали бы его формы от форм других глагольных категорий по линии выражения наклонения. Значение индикатива можно определить как нейтральное отношение к действию, выражаемому глаголом. Именно поэтому индикатив допускает в своем окружении самые разнообразные модальные модификации и может участвовать в образовании всех видов предложений. Е.В. Гулыга отмечает, что в индикативе "модальное значение как бы отступает на задний план. Не случайно в лингвистике имеется мнение, согласно которому индикатив является амодальным" [5: 77]. При этом она ссылается на В. Брёндаля и Ф. Брюно.

Отрицать модальность индикатива полностью не приходится, поскольку с точки зрения внешней модальности индикатив представляет действие, выражаемое глаголом, реальным, т.е. потенциально всегда возможным и осуществимым осуществляемым или осуществленным, но это морфологическое значение индикатива проявляется, выступает на первый план только в определенных контекстах и ситуациях или в противопоставлении с другими парадигмами наклонения.

Конъюнктив является сильным членом в микропарадигме наклонения, поскольку он обладает богатой парадигмой глагольных словоформ и явной семантикой, представляющей действие, выражаемое глаголом, нереальным. Прослеживая модальную оппозицию реалиса/ирреалиса, отличающую индикатив и конъюнктив следует, однако, помнить, что конъюнктив определяется в грамматике и как условное наклонение. Нам представляется, что в семантике конъюнктива, как наклонения, объединяются два равноправных семантических

признака ирреальность и условность. Благодаря этому конъюнктив представляет действие, выражаемое глаголом, как нереальное, неосуществимое в данный момент, в данных условиях и его значение можно определять как потенциально и условно ирреальное, а не просто как ирреальное. В разных условиях реализации ирреальность и условность конъюнктивной словоформы проявляются по-разному. В. Адмони пишет: "Verschiedene Formen des Konjunktivs bezeichnen verschiedene Grade dieser "Irrealität": Vermutung, Zweifel, völlige Irrealität" [4: 195]. Такой характер значения обуславливает наличие в окружении конъюнктивных глагольных форм тех модальных модификаторов, которые варьируют модальное значение условного ирреалиса или как-то иначе соответствуют ему. Это же значение вводит конъюнктив в определенные виды предложений современного немецкого языка.

Императив по сравнению с индикативом и конъюнктивом представляет глагольное действие как реальное, принципиально осуществимое, однако, в отличие от индикатива эта реальность не нейтральна, она дополнительно модально окрашена, она также чем-то обусловлена. Но если в форме конъюнктива условность делает действие ирреальным, то в императиве эта условность связана с тем, что реальность действия обусловлена его желательностью со стороны говорящего и осуществимостью другим лицом, вторым участником коммуникативной ситуации.

Как нам представляется, в значении современного императива необходимо присутствует семантика древнего оптатива, т.е. здесь мы становимся на точку зрения, широко представленную в исследованиях императива в сравнительно-историческом языкознании. Так, например, Х. Гейзе писал, что императив безусловно сродни оптативу. В то же время императив возник в процессе вытеснения оптатива новой семантикой – семантикой повеления или побуждения. И, таким образом, категориальное значение императива также, как категориальное значение конъюнктива, включает в себя два семантических признака: желательность действия, выражаемого глаголом, и побуждение к выполнению этого действия вторым

лицом. При реализации форм императива в определенных окружениях или даже в отдельных формах императива, эти признаки могут проявляться в различной степени, что особенно явно выступает при участии императива в выражении синтаксической категории побудительности.

Одноплановые явления – морфологическая побудительность императива и синтаксическая побудительность предложения как бы подавляют модальный признак желательности действия и создают впечатление, что императив обладает только семантикой побуждения. В то же время, если абстрагироваться от сугубо синтаксического понимания побудительности, то в императивной форме всегда можно обнаружить значение желательности действия, зависимости его именно от воли носителя производителя действия.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем следующее понимание парадигматического значения наклонения "императив": императив выражает глагольный признак или действие как реальное, желательное, зависящее от воли первого лица, следствием чего при перенесении действия в сферу второго лица оно выступает как побуждение к совершению этого действия.

Таким образом, с нашей точки зрения императив является, прежде всего, наклонением, т.е. словоизменительной морфологической категорией глагола, обладающей своим, только этой категории свойственным модальным значением, генезис которого прослеживается исторически и которому вряд ли стоит придавать только синтаксический характер. Самостоятельность форм и значения императива позволяют ему участвовать в конституировании определенных видов предложений, и цель этих высказываний обуславливает функционирование императива в текстах.

Данные теоретические предпосылки о семантике императива проверяются в исследовательской части работы, в которой мы по необходимости возвращаемся к освещению более частных, но не менее спорных вопросов в трактовке императива в общеграмматических и специальных работах.

ГЛАВА II. МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА, ПРОИСШЕДШИЕ ИЗ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

В современном немецком языке категория модальности, т. е. выражения отношения высказывания к реальной действительности выражается морфологически, синтаксически, лексически и интонационно. Свое отношение к высказываемой мысли в целом или к отдельным его частям говорящий может выразить, между прочим, с помощью модальных слов и частиц, которые не являются членами предложения. Академик В.В. Виноградов пишет: "Место этого грамматического класса в системе так называемых частей речи до сих пор не вполне определена. Не ясны и его лексико-грамматические пределы" (Виноградов, 1950) Модальные слова, как особую лексико-грамматическую группу, впервые в русской лингвистике определил и описал акад. В.В. Виноградов. Среди модальных слов особую группу образуют модальные слова, происшедшие из форм повелительного наклонения второго лица единственного числа (или формы вежливого обращения). Такого рода слова, абстрагируясь от своего лексического значения, полностью его не утрачивают. Они имеют в предложении своеобразное "вводное использование" и характерны для диалогической речи. Такие модальные слова могут употребляться при предложении любой модальности. С их помощью говорящий стремится обратить внимание своего собеседника на то, что ему сообщается, подчеркнуть перед собеседником что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем определенное отношение к высказываемой мысли. Эти модальные слова могут заключать в себе также призыв, побуждение собеседника к действию. Так, модальное слово komm, полностью не утратив своё лексического значения, сопровождает, как правило, форму 1-го лица мн. числа императива и заключает в себе приглашение к совместному действию. Большей частью komm бывает связано с глаголами движения. Например:

"Komm, gehen wir weiter", sagt die Ursel".

(Wolf, "Heimkehr der Söhne", 225)

"Die süße Gladys erbleichte bei diesen Worten.

Sie sagte: "Komm, gehen wir, du bist ein Komödiant".

(Altenberg, "Märchen des Lebens" 180)

"Einer forderte den anderen auf: "Schau du mal nach!" Aber jeder wich gleich vor der Höhle zurück, wenn er einen Schritt auf sie zuging.

"Komm, gehen wir jetzt".

(Becher, "Abschied", 104-105)

"Es ist schon spät, komm, gehen wir", stand ich auf".

(Там же, стр. 291)

"Komm, gehen wir", zog sich Fanny den Rock herunter".

(Там же, стр. 259)

"Bitte, kommen Sie. Gehen wir!"

(Bredel, "Der Spitzel", 79)

"Komm, tanzen wir!" sie zog ihn mit sich.

(Bredel, "Die Söhne", 201)

"Komm, mein Verlobter, feiern wir unsere Verlobung".

(Bredel, "Die Väter", 305)

"Komm", sagte sie plötzlich, "trinken wir eins auf die neue Stellung".

(A. Seghers, "Das siebte Kreuz", 306)

Модальное слово hör(e) (hören Sie) также в вводном использовании выражает стремление говорящего возбудить внимание собеседника к выслушиванию, например:

"Hör mal, mein Freund", sagt sie, "das war eine sehr unnütze Szene für dich und für mich".

(Wolf, "Der Russenpelz", 61)

"Aber höre, du hast doch Erika?"

(Th. Mann, "Buddenbrooks", 289)

"Hör mal, Kind, laß dir raten, hänge deine Gedanken nur nicht zu sehr an solche Sachen".

(Там же, стр. 517)

"Hör mal, Paul, macht dir das was aus, wenn ich heut nacht hier schlaf?".

(A. Seghers, "Das siebte Kreuz", 208)

"Hör mal Gerda, du sollst keinem Menschen erzählen, daß wir Besuch haben".

(Там же, стр. 315)

"Frau Gabber sagte: "Hören Sie mal, Otto!

Mit ihrem Schwager, dem Paul hab' ich über den Lohn gesprochen,..."

(Там же, стр. 281)

С помощью этого же модального слова говорящий усиливает побуждение, направленное к собеседнику для выполнения какого-либо действия, например:

"Carl, hör mal, laß es nicht zu einem Skandal kommen!"

(Bredel, "Die Söhne", 231)

"Ruscher, nun hör mal zu, nimm mal Vernunft an.

(Bredel, "Die Väter", 78)

"Hör mal, mein Junge", meint jetzt der Werner, "wenn es dir Spaß macht, nimm sie... bitte, keine Umstände!"

(Wolf, "Der Russenpelz", 33)

Как мы видим, это модальное слово часто бывает усложнено модальной частицей *mal*.

Говорящий может также возбудить внимание собеседника к сообщаемому факту с помощью следующих вводных модальных словосочетаний:

а) "Stell dir vor, Frau Heise ist im Charlottenburg Klub als Bedienerin".

(Herbert A. Langer, "Ein Mann fand zu sich selbst", 39)

"Und stell dir vor, unsere Leute sollen es auch noch abreißen, und wer nicht mit machen will, wird auf die Straße gesetzt".

(Claudius, "Menschen an unsrer Seite", 193)

"Er lebt", sagte Lotte, stell dir vor, er lebt" (Seghers, "Das siebte Kreuz", 399)

"Jetzt paß mal auf, was die Liesel für ein Gesicht macht!" sagte Röder".

(Seghers, "Das siebte Kreuz", 206)

"Paßt mal auf, was Herr Stengel zu Siegmund Köstermann gesagt hat".

(Th. Mann, "Buddenbrooks", 17)

"Paßt auf, was ich euch sage", sagt die Aufseherin ihren Kolleginnen",

(H. Fallada, "Jeder stirbt für sich allein", 529)

Эти модальные слова употребляются часто с модальной частицей mal.

С помощью вводного модального слова sieh (sehen Sie) говорящий может подчеркнуть перед собеседником какой-нибудь факт или возбудить его внимание к чему-либо, например:

"Nun und? " fragt Heinz erregt.

"Sehen Sie", erklärt der Jupp, dort befand sich nämlich die vorderen Artilleriebeobachter der schweren russischen Ari".

(Wolf, "Der Russenpelz", 148)

С этим модальным словом легко сопоставить в русском языке формы изъявительного наклонения: видишь (ли), видите (ли).

"Sehen Sie! Sie sind der erste, der diese Sache genau so wie ich beurteilt".

(Там же, стр. 92)

"Ach, setz' dich noch ein bißchen zu mir, gute alte Ida, hier, auf den Bettrand. Sieh mal ich muß beständig an morgen denken".

(Th. Mann, "Buddenbrooks", 325)

"... Nun sehen Sie mal!... aber schämen Sie sich nur nicht. Es liegt natürlich in ihrem Interesse, mir weiszumachen, daß die anderen nach wie vor ruhig und sicher sind..."

(Там же, стр. 198)

"... Sehen Sie, ich weiß ein Lied davon zu singen". (Там же, стр. 480)

"Sieh mal, mein Junge, du weißt ja gar nicht wie oft ich nachts nicht schlafe, wenn du... "

и ниже:

"Rolf (wieder erregt): Aber, Mutter, das ist's ja gerade! Sieh mal, Mutter, du bist eine so kluge und klare Frau,..." "

(Wolf, "Professor Mamlock", 11, 22)

Это же модальное слово может быть употреблено в сочетании с придаточным предложением, введенным союзом *daß*. В этом случае *sieh* придает высказыванию оттенок усиленного приказания, требования сосредоточить внимание на исполнении действия, а также оттенок предостережения. *Sieh* как бы переносит побудительность на придаточное предложение, делая его, таким образом, повелительным. В этих случаях *sieh* в качестве модального слова приближается по своим функциям к усилительным словам *mach, schau*. Однако *mach, schau* отличаются от модального слова *sieh* тем, что полностью утрачивают свое лексическое значение и приближаются к разряду частиц.

"Nimm sie dir mal mit, da hinten in die Küche, und *sieh, daß du sie wach kriegst*".

(H. Fallada, "Jeder stirbt für sich allein", 124) (русск. "Смотри, приводи ее в чувства")

"Der Doktor ist gut, er bleibt. Und Sie, *sehen Sie zu, daß Sie die Gefängnisordnung befolgen, sonst passiert Ihnen noch was!*"

(Там же, стр. 473)

"Schnell, schnell, *sehen Sie zu, daß Sie weiterkommen, Sie könnten sonst etwas verpassen*", gab sie heiser vor Erregung zurück".

(Reinhard, "Treibgut", 23)

Это модальное слово может быть употреблено с усилительной частицей, напр.:

"Torsten ist schwer magenleidend, *sieh doch zu, daß du heute schon Weißbrot für ihn beschaffen kannst*".

(Bredel, "Die Prüfung", 179)

В русском языке усиление приказания возможно, если модальное слово "смотри" употребляется при форме повелительного наклонения несовершенного вида. При форме повелительного наклонения совершенного вида "смотри" выражает усиленное предостережение.

Сосредоточить внимание на выполнении действия и придать высказыванию оттенок предостережения говорящий может также, употребив "раß(t) auf" с придаточным предложением, введенным союзом daß.

"Raßt auf, daß er nicht den Sabul zieht!"

(Bredel, "Die Väter", 9)

Und du, Otto, bring außerdem noch drei Ohren mit. Raß auf, daß man dir richtig wieder rausgibt! Und verlier das Geld nicht!

(Там же, стр. 40)

Подчеркнуть перед собеседником какой-нибудь факт или вызвать определенное отношение к сообщению говорящий может с помощью модальных слов: denk(e), erlaub(e), verzeihe), entschuldige.

Эти модальные слова употребляются в собственном значении, однако их лексическое значение тускнеет. Ср., например, собственное значение "denken":

"Denke immer daran, Trudel."

(Fallada, "Jeder stirbt für sich allein", 103)

и употребление denken в качестве модального слова:

"Denk dir, wir haben schon einige Lausjungen geschnappt".

(Bredel, "Die Väter", 283)

С помощью модального слова denk(e) говорящий предлагает собеседнику обратить внимание на то, что ему сообщают, - например:

"Denk dir, Otto ist eifersüchtig".

(Bredel, "Die Väter", 309)

"Denken Sie", sagte er, "ich kenne hier jeden Pflasterstein."

(Brüning, "Vor uns das Leben", 134)

"Bedenken Sie, es ist die gleiche Universität an der Marions Großvater zwanzig Jahre lang einen Lehrstuhl für Augenchirurgie innehatte", (Kellermann, "Totentanz", 76)

Так и глагол erlauben имеет полное значение в примере:

Erlaube mir das zu machen!

и теряет его в качестве модального слова:

"Aber erlaube mal, Robby, du bist zu jung, um die Bedeutung der fliegenden Bombe zu begreifen!"

(Kellermann, "Totentanz", 340)

"Erlaube mal, trumpfte Wolf Hagemann auf. "Die Polizei ist noch lange nicht das Schlechteste".

(Brüning, "Vor uns das Leben", 245)

Модальное слово erlaub(e) имеет в этом случае значение возражения.

Также и глаголы verzeihen и entschuldigen, сохраняя собственное значение в случаях, вроде:

"Verzeih, Trudel", sagt er und drückt rasch ihre Hand".

(Fallada, "Jeder stirbt für sich allein", 318)

"Entschuldigt, ich wollte nach der Abendpost sehen". (Wolf, "Der Bussenpelz", 60)

теряют его в качестве модального слова:

"Verzeih, aber du kannst einen mit deiner Unschuld in Harnisch jagen!"

(Th. Mann, "Buddenbrooks", A 56)

"Marianne ging zum Garderobenständer und hob ihren Mantel vom Haken.

"Entschuldige, Kurt, aber für nutzlose Diskussionen habe ich keine Zeit".

(Brüning, "Vor uns das Leben", 51)

"Entschuldige, Kurt - aber ich habe die Nacht nicht geschlafen"

(Там же, стр. 83)

"Entschuldige, Karin - die Freunde haben ehrliche Kritik geübt. Alles was sie gegen dich vorbrachten, war sachlich richtig".

(Там же, стр. 94)

"Entschuldigen Sie, können Sie mir vielleicht den Jungfernstieg zeigen?"

(Bredel, "Die Prüfung", 16)

Модальные слова verzeih(e), entschuldige имеют значение вежливого обращения.

Ср. русск. Извини, извините.

Модальные слова, имеющие форму императива, "представляют как бы промежуточный тип между категорией модальности и междометиями" (Виноградов 1947).

Акад. В.В. Виноградов определяет междометия следующий образом: "Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, именно - знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их. Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективом смысловое содержание".

Среди междометий имеется ряд междометий в форме императива.

Немецкий грамматист Вильманс говорит, что в качестве междометий могут употребляться самостоятельные предложения, когда говорящий использует их в речи, не думая об их содержании, как выражение волнения (*erregte Empfindung*), например: *Nu denk mal! Nu sag mal, warte mal.*

Однако он приводит эти междометия вне контекста и не дает их классификации. (Вильманс)

Мы считаем возможным разбить междометия в форме императива на две группы:

1) Междометия, выражающие удивление, возмущение, например:

"Seht an, dachte Fabian, eine richtige Konversation will sie beginnen".

(Kellermann, "Totentanz", 108)

"Zuerst tauschten sie Erlebnisse aus dem Weltkrieg aus, und es fand sich, daß sie beide längere Zeit im Argonner Wald gelegen hatten.

Seht an! Fabian stieg augenblicklich in der Achtung von Taubenhause, weil er das "Storchennest" im Argonner Wald kannte".

(Там же, стр. 91)

"Sieh da! Die hundert Jahre machen Eindruck auf dich?"

(Th. Mann, "Buddenbrooks", 460)

"Sieh da! In der Tat... " bemerkte der Herr im Ulster".

(Там же, стр. 144)

"Und siehe da, bei diesem Klange schlug der kleine Johann seine Goldbraunen Augen auf... "

(Там же, стр. 624)

"Sieh mal an, dachte der Minister, er weiß bereits? Wieso weiß er? Durch wen?"

(Bredel, "Fünfzig Tage", 14)

"Ein junger Mensch - Schadow wußte nicht, aus welcher Abteilung - unterbrach ihn unwillig: "Ein Faschist ... na hör mal ...! "Und Schadow, schwer auf den Tisch gestürzt, mit fast geschlossenen Augen, fühlte sich erleichtert".

(Claudius, "Menschen an unsrer Seite", 114)

"Na, höre mal!" Diederich empörte sich".

(H.Mann. "Der Untertan", 315)

2) Междометия, выражающие побуждение, волеизъявление, направленное к собеседнику для выполнения действия, например, междометие halt.

"Halt! Nicht diesen Stuhl, der hat nur drei Beine!"

(Bredel, "Die Söhne", 149)

"Er sagte: "Halt, setz dich noch einmal".

(Seghers, "Die Toten bleiben jung", 436)

"Halt! Etwas hatte Taubenhaus noch vergessen, nein, nicht vergessen, er vergaß nie etwas, ein Mann wie er,

(Kellermann, "Totentanz", 117)

"Halt, legen Sie diese Tapete zur Seite, junger Mann".

(Там же, стр. 135)

"He! Halt! " schrie er plötzlich".

(Seghers, "Das siebte Kreuz", 256)

А также: höre в качестве оклика:

"Höre!" sagt Quangel zu dem Manne am Sagegatter. "Komm mal einen Augenblick auf den Gang".

(Fallada, "Jeder stirbt für sich allein", 392)

Ср. русск. Эй! Послушай.

Императив образовал в современном немецком языке ряд устойчивых фразеологических оборотов.

1. В форме 2-го лица ед. числа (или в форме вежливого обращения) такие обороты употребляются в качестве приветствий или ободрения в разговорной речи, например!

"Leben Sie wohl! Leb' wohl, noch einmal, meine liebe Tony! Gott sei mit dir".

(Th. Mann, "Buddenbrooks", 159)

"In Eile, leb wohl, meine Agnes, denk an Deinen Jupp".

(Wolf, "Der Russenpelz", 56)

"... mach 's gut, Lis!"

(Там же, стр. 82)

"Na, Mariechen, mach's gut".

(Seghers, "Das siebte Kreuz", 281)

"Mach's gut. Und halt den Kopf noch".

(Bredel, "Die Prüfung", 328)

"Er hat es plötzlich eilig und muß weg.

"Mach's gut!"

(Herbert A. Langer, "Ein Mann fand zu sich selbst", 8)

"Er sagte: "Mach's gut!"

(Seghers, "Die Toten bleiben jung", 512)

Ср. русск. Прощай! Будь здоров!

2. Ряд устойчивых словосочетаний в форме императива 2-го лица мн. числа употребляется в военных командах и приобретает значение терминов, например:

"Rührt euch, befahl der dürre Junge den übrigen, der derweil hatten antreten müssen und abzählen".

(Seghers, "Das siebte Kreuz", 138)

"Abteilung... halt!... Rührt euch!

(Bredel, "Die Prüfung", 114)

"Rührt euch! "Dusenschön macht einige Schritte in den Saal".

(Там же, стр. 130)

"Kehrt, marsch, zum Alten".

(Bredel, "Die Söhne", 113)

"Kehrt euch, marsch!"

(Becher, "Abschied", 375)

"Denn schon stand der Feldwebel vor den beiden Gruppen und kommandierte: Achtung! Legt an! - Doch bevor er das letzte Kommando: Feuer! geben konnte, rief der Oberleutnant: Halt! "

(Wolf, "Der Russenpelz", 155)

"... marschierte ich hinter meiner Musik her, kommandierte mich: Rechts schwenkt, marsch! Links schwenkt, marsch!

(Becher, "Abschied", 100)

В основу создания новых модальных слов, междометий и устойчивых фразеологических оборотов императивного типа легла такая характерная черта императива, как его экспрессивность которая обогащает язык особыми экспрессивно-эмоциональными средствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Повелительное наклонение отличается от других наклонений не только морфологическим строем, но также и экспрессивностью своих грамматических значений. Различия в модальных оттенках форм императива создает повелительная интонация, личные местоимения, модальные слова, частицы.

1) Грамматическим признаком повелительной формы 1-го лица мн. числа и формы вежливого обращения в императиве является постпозиция личного местоимения *wir, Sie*. Употребление этих местоимений с формами императива обязательно. Однако возможны случаи опущения wir:

- а) если имеется два императива в 1-м лице мн. числа, то во втором императиве wir может быть опущено;
- б) в сложном императиве с вспомогательным глаголом *wollen* при наличии частицы mal.

2) Дополнительный смысловой, эмоциональный или модально-волевой оттенок могут придать отдельному слову, словосочетанию или всему предложению частицы. С формами императива употребляются модально-побудительные частицы *mal (einmal) nun* и эмоционально-экспрессивные частицы *doch, nur, bloß, man, schon*. Кроме частицы *nun* все остальные частицы занимают в предложении постпозитивное положение.

К разряду модально-побудительных частиц приближаются слова *mach, schau* в форме 2-го лица ед. числа императива. Эти слова употребляются с придаточным предложением, введением союзом *daß*. Сохраняя форму императива, *mach, schau* абстрагируются от своего лексического значения, переносят повелительность на придаточное предложение и становятся грамматическими выразителями модальности предложения. *Mach, schau* с придаточным предложением представляют собой своеобразную конструкцию, которая в целом выражает волеизъявление говорящего. Придаточное

предложение включает в себя обычно глагол *kommen*. Все словосочетание имеет оттенок брани, грубости и значение "убираться вон".

3) Побудительные предложения, выраженные формой 2-го лица императива являются односоставными бесподлежащими предложениями, т. е. состоят из одного состава сказуемого. Субъект-производитель действия не назван, однако морфологически он обнаруживается в самой форме повелительного наклонения, в частности в изменении флексии.

4) Предложения, сказуемое которых выражено формой 2-го лица ед. и мн. числа императива, является определенно-личными, могут быть употреблены также с обобщенным значением в призывах, приглашении, советах. Для побудительных предложений, выраженных формой императива, характерно начальное место *verbum finitum*. Начальное место в таких предложениях могут занимать также члены предложения, выраженные наречиями и местоимениями, которые подчеркиваются логически и влияют на модальный оттенок волеизъявления, а также союзные слова, вводящие в речь повелительные предложения и соединяющих их тем самым с предыдущим высказыванием.

б) Гамма модальных оттенков форм повелительного наклонения в совокупности представляет собой волеизъявление говорящего, т. е. является отражением отношения говорящего к действительности и к высказываемой мысли. К модальным оттенкам императива относятся: приказ различной интенсивности, призыв, приглашение, предостережение, просьба различной интенсивности, мольба, увещание, совет, разрешение.

7) Повелительное наклонение отличается от других наклонений тем, что оно всегда употребляется в самостоятельном, независимом предложении. В современном немецком языке императив не может выступать в значении других наклонений. Последняя часть второй главы настоящей диссертации посвящена словам, происшедшим из форм повелительного наклонения.

8) Форма императива создала ряд модальных слов, которые, абстрагируясь от своего лексического значения, полностью его не утрачивают.

С помощью таких модальных слов говорящий стремится обратить внимание своего собеседника то, что ему сообщается, подчеркнуть перед собеседником что-нибудь, какой-нибудь факт или вызвать в нем определенное отношение к высказываемой мысли.

9) Модальные слова развились из императива благодаря его продуктивной экспрессивности, которая обогащает язык особыми экспрессивно-эмоциональными средствами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В., «О категории модальности и модальных словах в русском языке». Труды ин-та русского языка Акад. Наук, т.II, М.-Л., 1950. – с. 41.
2. В.В. Виноградов, "Русский язык", 1947, стр. 590.
3. В.В. Виноградов, "Русский язык". (Труды ин-та русского языка Акад. Наук, т.II, М.-Л., 1950, стр. 41).
4. В.Г. Адмони, «Пути развития грамматического строя в немецком языке», М.: Высшая школа. 1973, стр. 175
5. Е.В. Гулыга, «Грамматико-лексические поля в современном немецком языке», М.: Просвещение, 1969, стр. 184
6. Л.С. Ермолаева, «Очерки по сопоставительной грамматике германских языков», Москва: Высшая школа. 1987, стр. 125
7. Дж. Лайонз, «Введение в теоретическую лингвистику», ПРОГРЕСС, 1978, стр. 166
8. О.И. Москальская, «История немецкого языка = Deutsche Sprachgeschichte», Москва : Высшая школа, 1977. - 278 с.
9. Пешковский А.М. "Русский синтаксис в научном освещении". М., 1934, стр. 348
10. Е.И.Шендельс, «Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка)», М.: Высшая школа, 1970. – 204 с.
11. О. Lyon, "Deutsche Grammatik", Leipzig, 1909, S.92.
12. В. Delbrück, "Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen", Straßburg, 2. Teil, 1897, S.346
1. 6) L. Sütterlin, "Die deutsche Sprache der Gegenwart", Leipzig, 1923, S.231
2. 7) А.А. Шахматов, "Синтаксис русского языка", Л.,1941, § 552.

- 1). В. В. Виноградов, "Русский язык". М., 1947, стр. 596.
- D) F. Blatz, "Neuhochdeutsche Grammatik", 1896, Bd. II, S. 536.
- 1) О модальных оттенках см. стр. 140 настоящей работы
- 1) См. Н. Paul, "Deutsche Grammatik", 1919, Bd. III, Teil IV. 1. Hälfte, S. 16.
- 1) Н. Paul, "Deutsche Grammatik", 1919, B. III, S. 16.
- 1) В. В. Виноградов, "О категории модальности и модальных словах в русском языке", стр. 72. Акад. Наук СССР Труды ин-та русского языка, т. п. М. -Л., 1950.
- "Современный русский язык. Морфология", 1952,
Б. М. Галкина-Федорук, "Частицы", стр. 414.
- 1) В. В. Виноградов, "Русский язык", 1947, стр. 663.
- 1) См. В. В. Виноградов, "О категории модальности и модальных словах в русском языке". Труды Института русского языка, т. II, изд.. АН СССР, М. - Л., 1950, стр. 62.
- 1) См. Jacob u. Wilhelm Grimm, "Deutsches Wörterbuch", 1860, Bd. II.
- 1) К. А. Тимофеев, "Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке". (Вопросы синтаксиса современного русского языка", 1950, стр. 288)
- 2) О повелительном инфинитиве и повелительном причастии II см. гл. III, стр. 211, 226
- 1) Ср. "Современный русский язык. Морфология", 1952, стр. 288, стр. 425.
Акад. А. А. Шахматов, "Синтаксис русского языка".
1941, стр 483
Акад. Наук СССР, "Грамматика русского языка",
Т. 1, 1952, стр 644.
- 1) "Современный русский язык. Морфология", 1952, стр. 427
- 2) Fr. Blatz, "Neuhochdeutsche Grammatik", B. II, 1806, S. 535.
- 3) О. Behaghel, "Deutsche Syntax", B. III, 1928, S. 160.

См. Н. Wunderlich, "Der deutsche Satzbau", 1892.

1) См. стр 91 настоящей работы.

2) См. стр. 91 настоящей работы.

1) К. А. Тимофеев, "Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке". (Вопросы синтаксиса совр. русск. языка", 1950, стр. 282).

2) Е. М. Галкина-Федорук, "Безличные инфинитивные предложения в современном русском языке". (Ученые записки, вып 137. Труды кафедры русского языка, книга 2-я, Изд. МГУ, 1948, стр. 58).

1) См. "Deutsche Sprichwörter". Herausgegeben von G. Wunderlich, 1904.

2) Ср. проф. В. И. Борковский, "Синтаксис древнерусских грамот". Изд. Львовского Госуд. Университета, 1949. Раздел "Безличные предложения", стр. 57-58.

1) Проф. Е. М. Галкина-Федорук, "Безличные инфинитивные предложения в современном русском языке". Ученые записки МГУ, вып. 187, кн. 2, 1948, стр. 59.

2) В. В. Виноградов, "Русский язык", 1947, стр. 604, § 68.

8) А. А. Потебня, "Из записок по русской грамматике" 1889, ч. II, стр. 348.

1) См. Е. И. Шендельс, "Грамматика немецкого языка", М., 1952, стр. 203.

1) См. стр. 11,12- настоящей работы.

3) Joh. Heyse, "Deutsche Grammatik", 1914, S*37Ü.

1) Fr. Blatz, "Neuhochdeutsche Grammatik", 1896. В/II, В/II S.535 См. также: Vd. 1900, S. 444, § 195.

3) А. М. Пешковский, "Русский синтаксис в научном освещении", М., 1934, 4-е изд., стр. 188.

1) А также его грамматическими синонимами: независимым инфинитивом и причастием II, о чем см, гл. III, стр. 211, 22. 6

1) А. Reinhard, "Treibgut", Dresden, 1951*

1) См. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева-Сокольская "Современный немецкий язык", 1941, стр. 91.

11) O.Erdmann, "Grundzüge der deutschen Syntax", 1886, I. Abt., S. 120, § 163.

А. А. Шахматов, "Синтаксис русского языка", 1941, стр. 483.

2) Ом. В. В. Виноградов, "Русский язык", 1947, стр. 598.

1) О частице *nur* см. стр. 114 настоящей работы.

2) В. В. Виноградов, "Русский язык", 1947, стр. 599.

1) Примеры цитируются из работы В. В. Виноградова, "Русский язык", 1947, стр. 599.

1

2) См. Н. Wunderlich, "Unsere Umgangssprache", 1894, S. 43, 57-58.

1) См. В. В. Виноградов, "Русский язык", 1947, стр. 598.

1) В. В. Виноградов, "Русский язык", 1947, стр. 740.

Die Toten bleiben jung", 512)

20.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

21.